

те, тут все науки», и каждый член ученого комитета – «авторитет в своей науке».

Ведь один-то из таких ученых «авторитетов» (член Академии Наук) подал памятное прошение в Св. Синод, с официальным запросом, имеет ли он право отречься от христианства. Ах, как этот пример и случай сыграл свою прекрасную, нужную роль в истории русского просвещения. Ведь просьба-то – случайна, ее могло и не быть. Но подавший просьбу и до нее был человеком, способным подать ее. И почему ему не быть членом ученого комитета? И почему вообще ученому комитету не состоять из таких или приблизительно таких членов?

«СОЛДАТ» ИЛИ «ВОИН»?

Среди множества получаемых писем на тему войны я получил от одного раненого офицера, лежащего в лазарете, письмо-рассуждение, которое мне показалось чрезвычайно верным по мысли. Больной, только-только из боя, он, естественно, полон боевого пыла и спрашивает пылко и негодуя, для чего сохраняется в применении к «нижнему чину» немецкое (по его мнению), или французское, или космополитическое наименование «солдат», – когда есть превосходное и старинное русское наименование «воин» как единица, элемент и живое лицо собирательного «воинства»? И я спрошу – «зачем»? Действительно – не нужно, действительно – рутинно от тех времен, когда солдаты XVIII века носили косы и пудру на волосах. Наконец, унижительное всегда, – это чужестранное наименование основной фигуры Русского Царства и русского народа, – жгуче-оскорбительно сейчас, когда его грудь выставлена вперед и принимает на себя удары немцев и неметчины. Автор письма справедливо мотивирует замену имени «солдат» именем «воин» тем Высочайшим распоряжением, по которому двухсотлетнему «Петербургу» повелено впредь именоваться «Петроградом». Он напоминает также о древнемосковском имени «пушкарь», которое народнее, понятнее и вразумительнее названия «артиллерист».

Все это очень разумно и основательно. Уважим солдата именем «воин». Кстати, – один из любимейших народных святых – «Иван-Воин», скорый помощник в болезнях. Помню, студентом, сказ старухи-прислуги: «Барин, вы захворали – отслужите молебен Ивану-Воину». Я так удивился: раньше не знал его. Теперь же в большой церкви на Вознесенском проспекте еженедельно читается (и всегда читался) акафист Ивану-Воину. Образ его – юный, прекрасный. Может быть, кто-нибудь услышит и поможет онародить в имени и «армию», и «солдата», превратив их в «воина» и «воинство».

Вместе с «войною» (вместо «кампании») это образует круг созвучных слов одного корня, – семейство слов.

Притом со словом «солдат» связаны такие неприятные производные, как «солдатчина». Все эти слова отдают запахом чего-то крепостного, под-

невольного, формального. Переименования, о каких мы говорим, следовало бы сделать при самом введении всеобщей воинской повинности, когда «воинство» слилось с «гражданством» и есть его цвет, есть его вооруженное лицо.

РУССКИЕ МОГИЛЫ В ИНОВЕРНЫХ СТРАНАХ

Великий князь Николай Михайлович. Русский Некрополь в чужих краях. Выпуск I. Париж и его окрестности. Петроград. 1915 г.

Все сыны доблестного великого князя Михаила Николаевича Кавказского отличаются преданностью наукам и украшают поле российской ученой словесности и вообще науки немаловажными трудами: великий князь Георгий Михайлович предпринял колоссальное описание российских монет, начиная от нынешнего времени до начала царствования Петра Великого. Издание имеет исходным пунктом наше время и подвигается «назад», в «старину» – метод довольно основательный, никогда доселе не примененный в исторических изложениях и обзорах. Громадные фолианты этого издания каждый может видеть в нашем Эрмитаже. Александр Михайлович собрал первую в *целом свете* коллекцию монет греческих городов вокруг Азовского и Черного морей, – превосходящую несравненно собрания Лондона, Парижа, Берлина и Вены. Труд этот ожидает описания и рукописно подвигается вперед. Но перед всеми ими первенствуют патриотизмом, разумом и обширною предначертанностью труды великого князя Николая Михайловича, взирая на которые не может не радоваться и не гордиться своим Царствующим Домом сердце каждого русского человека, прилежащее отечеству. Главные из них имеют предметом первую четверть XIX века, – столь же русскую, как и европейскую, – с центральным лицом в этой эпохе, императором Александром I. Но нам, обывателям, еще дороже и трогательнее, что душа великого князя-историка повернулась к сохранению памяток о всех русских людях сплошь, прежде почивших и до сего дня, сколько их хранят драгоценные русские могилы и совершенные над ними надгробия. Эта историческая и ученая «Вечная память», идущая в параллель «Вечной памяти» церкви над живым гробом, окруженным рыданиями, – она до того нужна, благородно-заботлива, в ней вообще содержится столько глубины и сердечной связанности со всем народом, что «Вечная память» самому князю уже уготовлена во всех сердцах, в русских народных сердцах. «Ты, князь, наших отцов и дедов и прадедов не забыл – и наши дети и внуки и правнуки никогда не изженут тебя из памяти своей». Так совершается связь веков, так устанавливается – прочнейшая бронзовой и каменной – сердечная память поколений, сердечная связь «человека» и людского собирательного «множества».